

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слова признательности	5
Введение	6
1. Крестьяне рассказывают сказки: Сокровенный смысл «Сказок матушки Гусыни»	13
2. Рабочие бунтуют: Кошачье побоище на улице Сен-Севрен	91
3. Буржуа наводит порядок в окружающем мире: Город как текст	126
4. Инспектор полиции разбирает свои досье: Анатомия литературной республики	173
5. Философы подстригают древо знания: Эпистемологическая стратегия «Энциклопедии»	224
6. Читатели Руссо откликаются: Сотворение романтической чувствительности	250
Заключение	300
Примечания	308
История, антропология и журналистика. Интервью с Робертом Дарнтоном	340
Указатель	366

ВВЕДЕНИЕ

В ЭТОЙ КНИГЕ исследуются способы видения мира во Франции XVIII века, причем я стремился показать не только представления французов об окружающем мире, но и то, как именно они его интерпретировали, каким наделяли смыслом, какие в него вкладывали чувства. Вместо того чтобы идти по проторенной дороге интеллектуальной истории, наше исследование вторгается на неизведанную территорию, называемую во Франции *l'histoire des mentalités*. В английском языке пока нет подобного термина, но эту область науки можно просто-напросто назвать культурной историей, поскольку она изучает нашу цивилизацию, как антропологи изучают культуры других народов мира. Иными словами, это история с уклоном в этнографию.

Большинство склонно считать, что культурная история занимается исключительно высокой культурой, Культурой с большой буквы. И, хотя история культуры с маленькой буквы восходит к трудам Якоба Буркхардта, если не Геродота, она остается малоизвестной и полной неожиданностей, а потому читателю, возможно, потребуются некоторые разъяснения. Если историк идей прослеживает развитие формального мышления от одного философа к другому, то историк-этнограф исследует представления о мире простых людей, стремясь воссоздать их картину вселенной, продемонстрировать, как они раскладывали по полочкам действительность у себя в головах и как это отражалось на их поведении. Он не делает из так называемого «человека с улицы» философа, а пытается выявить диктовавшуюся улицей стратегию выживания. Улица научает простых людей особого рода сообразительности, и надо сказать, они зачастую проявляют не меньше здравого смысла, чем заправские философы. Просто вместо того, чтобы высказывать суждения в терминах логики, они опери-

руют материальными предметами или другими вещами, которые предоставляет им собственная культура, например обрядами или устными повествованиями.

В каких же категориях удобно думать? Двадцать пять лет тому назад Клод Леви-Строс задался этим вопросом в отношении тотемов и татуировок Амазонии. Почему бы не применить такой подход и к Франции XVIII века? Потому что француз XVIII века нельзя расспросить, ответит скептик и для пущей убедительности прибавит: никакие архивы не заменят полевой работы. Верно; однако, во-первых, архивы так называемого «старого порядка»*, отличаются необыкновенной полнотой, а во-вторых, всегда можно повернуть известный материал по-новому. К тому же не следует преуменьшать трудности, которые испытывает антрополог при работе со своими туземными информаторами: они ведь тоже иногда выражаются весьма туманно, кое о чем умалчивают, а ученому еще приходится истолковывать то, как туземец толкует мысли соплеменников. Изучать мыслительные процессы в полевых условиях едва ли легче, чем в библиотеке.

И все же по возвращении из научной экспедиции каждому ясно одно: представители других культур — другие, их способ мышления существенно отличается от нашего, и, если мы хотим разобраться в нем, следует прежде всего поставить перед собой задачу познания «инакости». На языке историков это может показаться банальным предупреждением против анахронизма, однако такое предупреждение не грех и повторить, поскольку нет ничего проще сползания к удобному тезису о том, что двести лет назад образ мыслей и чувств европейцев полностью соответствовал современному — разве что с небольшой поправкой на парики и сабо. Чтобы избавиться от ложного ощущения, будто мы хорошо знакомы с прошлым, нам необходима постоянная встряска, необходимы терапевтические дозы культурного шока.

На мой взгляд, нет лучшего средства, нежели перерывание архивов. Достаточно прочитать одно французское письмо предреволюционного периода, чтобы наткнуться на массу

* «Старым порядком» или «старым режимом» (от французского *Ancien Régime*) обычно именуется период абсолютной монархии XVI—XVIII вв. — до революции 1789 г.

сюрпризов — от повального страха перед зубной болью до сохранившегося в отдельных деревнях обычая украшать невозную кучу вензелями из фекалий. Откройте любой сборник пословиц XVIII века, и вы найдете что-нибудь вроде «Сопливый да прочистит свой нос». Если нам непонятен смысл поговорки, шутки, стишка или обычая, — это верный признак того, что мы обнаружили что-то интересное. Пытаясь разобраться в наиболее загадочных местах документа, мы можем распутать целую систему смыслов. Эта нить способна привести нас даже к пониманию удивительного, совершенно не похожего на наше мировоззрения.

В этой книге я исследую как раз такие — непривычные для нас — представления о мире, а отправной точкой для анализа послужили неожиданности, встреченные мною в довольно разнородных текстах: примитивном варианте сказки про Красную Шапочку, отчете о массовом убийстве кошек, своеобразном описании города, занятных досье инспектора полиции и т.п. — документах, которые нельзя назвать типичными для XVIII века, но которые помогают нам проникнуть в него изнутри. И если поначалу картина мира кажется довольно расплывчатой, то к концу исследования она предстает все четче и четче. В главе 1 рассматриваются образцы фольклора, известные в XVIII веке едва ли не каждому французу, однако в наибольшей степени характеризующие крестьянство. Глава 2 посвящена обычаям городских ремесленников, во всяком случае — одной из их групп. Глава 3, продвигаясь вверх по социальной лестнице, затрагивает жизнь в городе с точки зрения провинциального буржуа. После этого место действия перемещается в Париж, в среду интеллектуалов, которая сначала (глава 4) показана глазами полиции с ее особым подходом к познанию действительности, а затем (глава 5) — через ключевой текст эпохи Просвещения, а именно «Предварительное рассуждение» «Энциклопедии», в котором окружающий мир раскладывается по полочкам с гносеологической точки зрения. Наконец, в последней главе продемонстрировано, как разрыв Руссо с энциклопедистами открыл путь новому способу мышления и чувствования, оценить который в полной мере мы сумеем, лишь перечитав Руссо с точки зрения его современников.

Вообще идея чтения проходит через все главы, поскольку прочитать можно не только сказку или философский труд, но также обычай или город. Способ интерпретации может разниться, однако читаем мы в любом случае для извлечения смысла — смысла, который вкладывали современники в свое представление о мире, вернее, в доступные нам остатки этого представления. Вот почему я старался понять старый режим с помощью чтения и приложил к своему толкованию сами тексты — дабы читатель мог самостоятельно изучить их и не согласиться с моими доводами. Я не претендую ни на полноту исследования, ни на то, чтобы оставить последнее слово за собой. Здесь рассматриваются далеко не все идеи и точки зрения дореволюционной Франции, охвачены далеко не все слои общества или географические области. Не анализирую я и мировоззрение типичных представителей разных слоев, поскольку не верю в существование типичных крестьян или типичных буржуа. Вместо того чтобы выискивать типаж, я предпочел заняться вышеуказанными многообещающими текстами, хватаясь за предлагавшиеся в них ниточки подсказок и прослеживая, куда они ведут, — с обостренным интересом и в азарте прибавляя шагу, стоило мне натолкнуться на что-то удивительное. Вероятно, отклонение в сторону от торных дорог нельзя назвать полноценной методикой, однако благодаря такому способу можно познакомиться с нетривиальными взглядами, которые иногда оказываются самыми показательными. Мне непонятно, почему культурная история должна избегать эксцентричности и сосредоточивать свое внимание на среднем: значения и смыслы не сводимы к средним величинам, для символов и знаков нельзя найти общий знаменатель.

Такое признание в отсутствии систематичности не означает, что под соусом антропологии история культуры проглотит все что угодно. Хотя скептически настроенному социологу труды антропологов могут напоминать беллетристику, антропологическое направление в истории тоже придерживается определенных принципов, исходя, в частности, из того, что все проявления индивидуального не нарушают общепринятого, что мы учимся классифицировать ощущения и создавать для себя картину мира исключительно в рамках, заданных

современной культурой. Вот почему историк вполне может обнаруживать внутреннее содержание и социально значимые аспекты мысли в самых разных документах эпохи, связывая их с важными сторонами окружающей действительности, переходя от текста к контексту и обратно, пока не проберется сквозь дебри чуждой ему ментальности.

Подобная культурная история относится к интерпретационным областям науки. Она может показаться слишком близкой к литературе, чтобы получить эксклюзивное право числиться наукой, во всяком случае, тем, что в странах английского языка называется *science*, но она прекрасно соответствует тому, что известно во Франции как *sciences humaines*, т.е. «гуманитарные науки». Заниматься такими исследованиями не просто, и им поневоле свойственна неполнота, однако нельзя сказать, чтобы они были вовсе не возможны, даже в рамках англоязычной науки. Ведь все мы, французы и «англосаксы», педанты или пейзажи, не только подчиняемся условностям родного языка, но и имеем дело с ограничениями, налагаемыми на нас культурой. Вот почему историкам необходимо понимать влияние культуры на видение мира каждым, в том числе величайшими из мыслителей. Поэт или философ может сколько угодно продвигать язык вперед, и все же рано или поздно он наткнется на предел, который ставится смыслом. Идти дальше означает безумие — такая судьба ждала Гельдерлина и Ницше, — но в пределах этой территории гении вправе экспериментировать с границами смысла. Отсюда вывод: в труде о ментальности французов XVIII века должно быть место и для Дидро с Руссо. Включив их в свою книгу наряду со сказителями-крестьянами и плебейскими истребителями кошек, я отбросил в сторону привычное разделение культуры на элитарную и народную и попробовал доказать, что интеллектуалы и простолюдины сталкивались с одними и теми же проблемами.

Я отдаю себе отчет в том, чем чревато отступление от традиционных методов исторической науки. Кому-то покажется, что на основе таких материалов невозможно судить о мироощущении крестьян, умерших двести с лишним лет тому назад. Других возмутит сама идея толкования кошачьего побоища в том же ключе, что и предисловия к «Энциклопедии», как,

впрочем, и вообще попытка интерпретации первого. Третьих оттолкнет то, что я избрал для познания духовной культуры XVIII века несколько довольно странных текстов, тогда как следовало бы скрупулезно прорабатывать стандартный набор классических материалов. Думаю, я нашел бы достойный ответ на такие упреки, однако мне не хочется превращать свои предварительные заметки в рассуждение о методе. Лучше я приглашу читателей обратиться к основному тексту книги. Возможно, он тоже не убедит их, но, надеюсь, они хотя бы получат удовольствие от этого путешествия.